

Ментальное пространство языка в лингвокультурологическом аспекте

Ольга Владимировна Телегина

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
филиал в г. Сочи, Российская Федерация
354024, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Чекменёва, 5
Кандидат филологических наук
E-mail: olya-telegina@yandex.ru

Аннотация. В статье изучается взаимосвязь языка и мышления в лингвокультурологическом русле на материале языковых средств, отражающих мыслительное пространство языка. Языковое описание ментальных действий и процессов основывается на исследовании ментальных глаголов, концептов, биактуальных высказываний, когнитивной метафорической модели "Умственная деятельность", текстов, вербализующих мышление.

Ключевые слова: ментальные сущности; рефлексия; язык; мышление; ментальное пространство языка.

Введение. Понятие культуры, как известно, охватывает все то, что создается человеком и противопоставляется природе. В каждой из этих сфер человеческое творчество проявляется в четырех аспектах: материальном, духовном, организационном, поведенческом. Сферы и аспекты культуры представляют собой перекрещивающиеся понятия, в совокупности они образуют общую сеть явлений культуры данного общества, хотя абсолютно четких граней между сферами и аспектами нет. Например, литературные произведения имеют материальный (вещный) аспект, духовный (воздействующий эффект) и поведенческий (реакции). Национальная специфика и общемировые закономерности могут проявляться в любом аспекте любой сферы культуры. Изучение каждого из этих аспектов и их взаимодействующей совокупности остается главной задачей филологического анализа по отношению к той части национальной и мировой культуры, которая представлена как художественным, так и научно-публицистическим творчеством.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили научно-публицистические тексты, тексты из английских лексикографических источников. В качестве методологической основы исследования применяются методы текстологической интерпретации, интерпретирующего понимания, описательный метод, семантико-когнитивный анализ; приемы сплошной выборки, классифицирование полученных данных.

Обсуждение. Исследование проблематики взаимоотношения языка и мышления является одним из наиболее актуальных направлений общей теории языка в целом и когнитивной лингвистики, в частности. Вдвойне интересно то, каким образом сам язык отражает мыслительные процессы сквозь призму культуры, каким образом концептуализируются и категоризируются в языке феномены мышления. Во многом благодаря когнитивному и концептуально-культурологическому подходам к явлениям языка и речи, которые позволяют рассматривать слово в качестве базовой единицы картины мира и понимать, что за словом стоит совокупность знаний о называемом им объекте, а значение слова позволяет перейти от уровня языка на уровень сознания, представляется возможным изучение мыслительной деятельности разных культур. В современной лингвистике можно выделить три основных направления, или подхода, к пониманию концепта: лингвистическое, когнитивное, культурологическое. В данной статье подробнее остановимся на концептуально-культурологическом представлении о концептах как о ментальных сущностях, которые несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. Такие ученые, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, А.Д. Шмелев и др., являются приверженцами данного подхода. По определению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1].

Культурные смыслы могут проявляться в таких единицах мышления, как, например, биактуальные высказывания. Под биактуальными высказываниями Н.А. Боженкова понимает мыслительные правила вывода либо утверждения, которые могут быть истинными или ложными, «условные высказывания, имеющие причину и следствие (антецедент и консеквент – в дефинициях логики), причем причинные и следственные синтагмы формализуют простые смыслы, но в единой синтагме отрицают, дополняют друг друга, образуя новые смысловые возможности и рождая тем самым возможные культурные смыслы» [2]. По отношению к тому, что возможные культурные смыслы отражаются практически во всех единицах языка, а значит, и во многих (если не во всех) отраслях науки, имеющих национальную прикреплённость, можно привести следующие слова: «Английская философия отражает их стиль мышления: эмпирический, индуктивный и аналитический» [3]. Имеется в виду не универсализм наук, а нечто иное: «Если ментальность в научном знании универсальна, наднациональна, то в языковом знании она имеет национальную специфику, ее репрезентация содержит отношение носителей языка к обозначаемому явлению, выражаемое в оценочных компонентах семантики слов» [4].

Носителями русского языка оценивается способность осуществлять мыслительную деятельность (нормой является наличие этой способности, она выражается глаголами *думать, размышлять, сообразать*; утрата способности думать – постоянная или временная – глаголами *спятить, свихнуться, чудить, сойти с ума*), качество мыслительной деятельности («мгновенное» мышление, или «быстрый ум», воплощается в семантике глаголов *сообразать, схватывать (на лету)*, «медленное» мышление, или «медленный ум» – в семантике глаголов *рассуждать, тормозить*). Позитивная оценка, содержащаяся в семантических структурах глаголов со значениями «быстрого ума», говорит о его приоритете для русского языкового сознания. «Меньшая когнитивная освоенность категории ментальности в русском языковом сознании говорит о том, что *ментальность, мышление, ум* не занимают доминирующего положения в русской языковой картине мира, в которой преобладает концепт *душа*: истинное знание, в соответствии с ней, достигается *сердцем*, а не *разумом*. В этом проявляется такая характерная черта русского сознания, как иррациональность» [5].

Построив когнитивную метафорическую модель "Умственная деятельность – физический труд", Н.Ю. Шабалина отмечает, что данная когнитивная метафорическая модель «определённым образом структурирует ментальное пространство, к которому относится реальность, непосредственно данное нам ощущение и то, как мы его осознаём. Другими словами, любой конкретной ситуации в процессе концептуализации соответствует определённое ментальное пространство» [6]. Автор выделяет следующие когнитивные модели в английском языке: умственная деятельность – это преуспевание (*to cotton on, to put across*), свет (*to dawn on, to flash on, to light*), игра (*to flirt with, to noodle, to play with, to toy with, to trifle with*), изготовление (вынашивание) (*to gestate, to manufacture, to reckon*), подсчет данных (*to calculate, to line up, to reckon, to size up*), сосредоточенность (*to context, to feature, to figure, to focus, to sense, to zoom in*) [7]. Для русского языка, по мнению автора, характерны следующие когнитивные модели: умственная деятельность – это интенсивный процесс, требующий физических усилий (просечь, воткнуться, врубаться, рубить, разрубать), удар или нанесение ударов (парить, сечь, усечь, стегать), физическое усилие (ворочать, грузить, извлекать, прикалывать), продолжительное действие инструментами (вязать, застригать, кромсать, стричь, перетирать) [8]. Метафорические модели присущие русскому и английскому языкам: умственная деятельность – это движение вперед (*to leap – догнать*), приобретение (*to catch on – схватить*), физический труд (*to dig – извлекать*), усвоение пищи (*to chew – усвоить*). Как видно из примеров, носители английского и русского языков прибегают как к схожим, так и отличным моделям понимания ментальной деятельности. Для обоих языков процесс умственной деятельности представляется многогранным и характеризуется приложением усилий, т.е. является многогранным и трудоемким, но в английском языке этот процесс обладает большей легкостью. Кроме, того умственная деятельность – это еще и приобретение чего-то ценного.

В противовес этому восточные тексты полны описания мыслительных процессов и приемов управления ими. Так «Дхаммапада относится к числу тех произведений, которые, как говорит традиция, составлены из изречений, приписываемых Будде и произносившихся им по поводу того или иного случая. Если же еще учесть, что в Дхаммападе весьма полно и

широко изложены основные принципы морально-этической доктрины раннего буддизма, то станет понятным авторитет, которым она пользовалась и пользуется до сих пор как у последователей буддизма» [9], так и у ученых, справедливо видящих в ней отражение культурных особенностей и мировосприятия.

Отношение к мыслительной деятельности человека проявляется через тесную взаимосвязь с осмыслением (рефлексией) и пониманием, в силу чего ученые говорят о рефлексивной реальности. «Рефлексивная реальность становится тем "местом", где вовне идущий луч рефлексии (направленный на осмысление объекта) задействует опыт или знания как компоненты рефлексивной реальности, которые превращаются в осмысленное знание, в результате чего смыслом становится экстралингвистическое явление, которое оказывается вовлеченным в системомыследеятельность» [10]. М.Ю. Шульженко говорит о двойственном строении онтологической конструкции человека, «включающем в себя в качестве компонентов рефлексивную реальность (душу) и дух» [11]. К сфере душевного относится память, накопление опыта, логические законы, способность мыслить и понимать, а к сфере духовного – самобытность действия со смыслами, сферы воли и действия, ценность отношения, права, религии, искусства. По мнению исследователя, различие составов рефлексивной реальности и духа определило отличие их роли в таком рефлексивном акте, результатом которого является переживание распределенного смысла. Это явление во многом обусловлено тем, что, «понимающий может присвоить себе смысл, т.е. из чужого сделать его своим собственным; расширения самопонимания он пытается достичь посредством понимания другого, что в нашем исследовании трактуется как герменевтика» [12].

В подтверждение вышесказанного, при анализе отражения мыслительных процессов и отношения к мысли в Дхаммападе, приходим к выводу, что мысль (особенно чужая) нуждается в осмыслении и мысль способна материализоваться, т.е. из психического состояния трансформироваться в физическое. Например, «Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть – разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего. Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть – разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, то за ним следует счастье, как неотступная тень» [13].

Многие ученые констатируют взаимосвязь психического и физического состояния мыслительных процессов, «причем многие формулировки удобно интерпретировать... в терминах entanglement между душой и телом – психическим и физическим» [14]. В подтверждение этому ученые приводят выдержку из буддийской Дхаммапады:

«Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу. Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары. Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к несчастью. Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стереженная мысль приводит к счастью. Те, которые смиряют свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары. У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, чья вера колеблется, – мудрость не становится совершенной. В непорочной мысли, в неспокоенной мысли, отказавшейся от добра и зла, в бодрствующей нет страха... Превратив эту мысль в подобие крепости, пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу и да будет он свободен от привязанностей» [15].

Национально-культурную специфику этого отрывка мы усматриваем также в том, что он чрезвычайно насыщен (может быть, даже перенасыщен – с точки зрения европейских лингвокультур) эпитетами и сравнениями, которые делают текст образным, ярким. Мысль сравнивается с рыбой, стрелой, оружием, крепостью. Мысль здесь – активный деятель, ей приписываются черты и способности живого существа: мысль трепещет, дрожит, с трудом сдерживается, блуждает, бредет, спотыкается; ее можно уязвить, но трудно сдержать, постичь, невозможно (хотя хочется) схватить, зафиксировать, остановить. Мысль – это путь к свободе, к счастью.

Т.Г. Скребцова в курсе лекций по когнитивной лингвистике предприняла попытку обобщить пласт языковой концептуализации в разных языках и подошла к выявлению

некоторых универсалий. Мы остановимся на следующих регулярных метафорических переносах, описывающих ментальную деятельность человека: ЗРЕНИЕ → МЫШЛЕНИЕ. Слова, первоначально имевшие отношение к зрительному восприятию, со временем развивают значения, связанные с умственной деятельностью. Ср.: *воззрения, мировоззрение, взгляды, кругозор, точка зрения, очевидный, ясный, прозрачный, по-видимому; не вижу (в чем проблема); рассмотреть вопрос; наблюдается следующая картина*. СЛЫШАТЬ → ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ПОМНИТЬ. Кроме того, как отмечает автор, для обозначения когнитивных процессов чаще задействуются глаголы слуха, а не зрения. ГЛАГОЛЫ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ И ДВИЖЕНИЯ → УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Например: *выдвинуть/взять/выбросить из головы идею, схватиться за предложение, вывести закон, опираться на факты, перейти к рассмотрению* и т.д. ГЛАГОЛЫ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ → РЕЧЬ. «Например: *заметить, признать, поинтересоваться, предположить*» [16].

Результаты. Можно предположить, что национально-культурная специфика мыслительной деятельности человека, отраженная в художественных и публицистических текстах, существует во многом благодаря ассоциативному мышлению: реципиент «возможного мира» дорисовывает в нем что-то своё, добавляет в него свои эмоции, переживания и надежды и, таким образом, делает его еще более личностным и оттого более желанным [17]. Также немаловажно отметить, что посредством культурного контекста в языке отражается ментальность той или иной языковой общности, т.е. мыслительная деятельность, отражающаяся в языке, становится неотъемлемой частью картины мира.

Заключение. Мы пришли к выводу о том, что мыслительное (ментальное) пространство языка как все, что в языке способствует выражению мысли (мыслительных усилий, сопутствующих процессов и их итогов), подразделяется на составляющие, отдельные мыслительные пространства, во многом определяющиеся национально-культурной спецификой определенной лингвокультуры. Многие языковые единицы и концепты со значением мыслительного процесса в русском, английском и других языках обнаруживают сходные образы, коннотации, а также национально- и индивидуально-специфичное (ментальные стереотипы).

Примечания:

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 982 с.
2. Боженкова Н.А. Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте (монография). М.: Высшая школа, 2005.
3. Просветов С.Ю. Человек – этническая личность // Природное и социальное в основаниях личности: Мат-лы науч. конф. (Краснодар, 27 января 2006 г.). Краснодар: КГУКИ, 2006. Вып. 1. С. 57–61.
4. Кадоло Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиституативности: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Кемерово, 2004. 189 с. С. 63.
5. Кадоло Т.А. Русские ментальные глаголы. С. 64.
6. Шабалина Н.Ю. Когнитивные модели субстратной семантической деривации (на материале тематической группы субстратных глаголов умственной деятельности современного английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2007. 25 с.
7. Metaphors Dictionary. Ed. by E. Sommer, D. Weiss // Detroit: Visible Ink Press, 1994. Online Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. Free Access. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>.
8. Электронный словарь фразеологизмов русского языка. URL: <http://www.frazeologiya.ru/>.
9. Дхаммапада / Перевод с пали, введение и комментарии В.Н. Топорова. Ответственный редактор Ю.Н.Рерих. М., 1960.
10. Шульженко М.Ю. Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.
11. Шульженко М.Ю. Процесс понимания художественного текста. С. 20.
12. Шульженко М.Ю. Процесс понимания художественного текста. С. 3.

13. Дхаммапада / Перевод с пали. Дхамма 1-2.
14. Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И. Крылья Феникса. Введение в квантовую метафизику. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. 468 с.
15. Дхаммапада / Перевод с пали. Дхамма 33-40.
16. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
17. Рядчикова Е.Н., Кульчицкая Н.В. Идея спасения России в трудах русских философов: религиозно-этические и социально-культурные концепты. Краснодар: КубГУ, 2008. 186 с.

UDC 81

Mental Space of a Language within Lingua-Cultural Aspect

Olga V. Telegina

Sochi Branch of Moscow State Automotive and Road Technical University (MADI), Russian Federation
354024, Krasnodar Region, Sochi, Chekmeneva Street, 5
PhD (Philology)
E-mail: olya-telegina@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of a language and thinking within lingua cultural aspect based on the material of language means of expressing mental space of a language. Linguistic description of mental actions and processes is formed on research of mental verbs, concepts, biactual utterance, cognitive metaphoric model "Mental Activity", texts verbalizing thinking.

Keywords: mental essence; reflection; language; thinking; mental space of a language.